

— Вы что творите?

Чжао Цзиньчэн, вспыхнув от стыда и ярости, казался готовым сгореть на месте. Его однокашники всю передразнивали его слова, прозвучавшие с небесного экрана.

— Мы должны проявлять великодушие, господин Чжао!

— Господин должен обладать широтой души великой державы, как можно мелочиться с нами?

— Вот именно, именно!

— Вы... вы зашли слишком далеко!

— Ха-ха-ха-ха!

Видя, как Чжао Цзиньчэн выходит из себя, все вокруг покатались со смеху. Лицо Чжао Цзиньчэна стало чернее тучи.

— Кхм-кхм, ладно, ладно, хватит шутить. Цзиньчэн, то, что небесный экран выставил тебя напоказ, имеет как свои плюсы, так и минусы. Тебе стоит хорошенько всё обдумать.

Их учитель с отеческой заботой обратился к Чжао Цзиньчэну. Этот ученик был лучшим в учёбе и самым любимым, ведь в нём ярко проявлялась индивидуальность и абсолютный приоритет государственных интересов. Именно эти качества больше всего ценил учитель, проживший долгую жизнь со времен Сражающихся царств. Он не раз повторял, что если Чжао Цзиньчэн встретит мудрого правителя сильной державы, то пойдёт очень далеко! Но кто бы мог подумать... что он всё же отправится в Цинь и займёт там высокий пост. Неужели школа вертикали и горизонтали тоже удостоилась внимания?

— Ученик понял.

На самом деле он уже принял решение найти императора из небесного экрана. В Поднебесной не найдётся второго такого человека, который поддержит его в подобных начинаниях. Кто же этот мудрый правитель, позволяющий бить чиновников враждебного государства без всякого наказания?!

Почему же в правление наследного принца всё кажется таким... суровым? В сердцах чиновников закрались сомнения. Большинство из них встречались с Его Высочеством, и даже если не разделяли его политических взглядов, не могли не признать, что он — истинный благородный муж. Его манеры были утончёнными, поведение — безупречным, а натура — добросердечной. Даже если в зале суда разгорались жаркие споры, после заседания он никогда не таил зла и не притеснял людей.

Чиновники пребывали в недоумении, а простой народ, никогда не видевший принца, знал лишь о его доброй славе и теперь преисполнился надежд на будущее. Мы осмелились дать отпор — значит, наше государство невероятно могущественно! Да здравствует Его Высочество наследный принц!

На небесном экране картина хаотичной схватки сменилась, и в кадре появились тот самый юноша и господин Чжао. Чжао Цзиньчэн по-прежнему стратегически попивал воду.

— Господин Чжао, не слишком ли вызывающе мы вели себя в недавнем разговоре?

— Это называется решительностью!

— Разве это не подобает великой державе?

— Наши воины идут на смерть. Если мы одержим победу, но не проявим твёрдости, разве мы не предадим этих солдат?!

— Верно!

Военачальники Великой Цинь одобрительно зашумели. Что же касается гражданских чиновников... их голоса потонули в общем гуле. Можете вы хоть немного притихнуть? Разве нам, гражданским, не нужно высказаться? Вам нравится, а нам, по-вашему, нет?

Гражданские чиновники: → _ →

Военачальники: (?ω?)

— Наследный принц, ты отлично подобрал людей!

Император Чэнь сейчас смотрел на небесный экран с явным облегчением. Комментарии о Цинь Жане были благосклонными, а значит, сын справлялся со своей задачей. Теперь, когда небесный экран транслировался повсюду, народ узнал, что в недалёком будущем у них будет правитель, любящий людей как родных детей и обладающий великим талантом. Проблема нестабильности правления в Великой Цинь была решена в одночасье!

— Благодарю за похвалу, отец, я буду стараться и дальше!

После слов отца глаза Цинь Жаня засияли, словно залитые солнечным светом.

Цинь Жань: (фанат своего отца, не беспокоить)

Однако поток комментариев не разделял восторга жителей Цинь по поводу Чжао Цзиньчэна. Напротив, экран пестрел сообщениями:

— Окей, вступление закончено, начинается основное действие!

— Малыш! Малыш! Малыш...

— Мой кумир вышел! (?????)

— Далее перед нами предстанет второй император Великой Цинь, драгоценный сын императора Чэня, символ верности единственной любви на всю жизнь, император Вэнь-ди, расширивший границы нашего государства, — Цинь Жань.

— Всем встать!

Реакция каждого на эти слова была разной. Император Чэнь, высшие чиновники и все, кто был предан Цинь, ликовали.

— Жань-эр, ты большой молодец.

Император Чэнь был очень доволен. Он сам занимался воспитанием сына, никому не доверяя

этот процесс. Теневая стража следила за учителями круглосуточно, и любое неосторожное слово сразу докладывалось императору, который затем лично объяснял сыну суть дела. Способности Цинь Жаня его радовали, но порой он беспокоился: не ошибся ли он в оценке будущего? Подойдёт ли такой принц для грядущей Цинь? Ведь в истории империи ещё не было правителя с мягкой и милосердной политикой. К счастью, теперь всё стало ясно...

Император Чэнь похлопал Цинь Жаня по плечу с выражением глубокого удовлетворения. Редко можно было увидеть, чтобы отец так открыто проявлял чувства, и Цинь Жань ощутил прилив гордости. Стать предметом отцовской гордости было его мечтой с самого детства.

Чиновники тоже наблюдали за этой сценой. Те, кто уже наладил связь с принцем или состоял с ним в добрых отношениях, сияли от радости. Остальные же лихорадочно обдумывали, как бы сблизиться с будущим правителем. Он — наследник, он отлично справляется с делами и даже расширил границы империи! Если император Чэнь решит сменить наследника, это будет означать лишь одно — он сошёл с ума.

Старые циньцы и выходцы из бывшего царства Чу тоже были вне себя от радости — они поддерживали принца!

— Брат, Его Высочество в итоге взойдёт на престол!

— Я видел, я видел!

Двое ветеранов, прошедших сотни битв, сейчас не могли сдержать эмоций. Они получили милость от Цинь Жаня: он лично следил за выплатами пособий ветеранам и помогал им найти работу. Если бы не принц, им пришлось бы несладко. Но важнее всего было то, что в этом поступке проявилось его добросердечие. Жить им осталось недолго, но знать, что их потомки будут под опекой милосердного правителя, — великое благо. И они были не единственными — все отставные солдаты Цинь были сторонниками Цинь Жаня!

На небесном экране господин Чжао закончил разговор и вернулся в свои покои, чтобы привести в порядок документы после переговоров с империей Маурьев. Сейчас Чжао Цзиньчэн был лишён прежней дерзости и провокационного тона, как и той мягкости, с которой общался с младшими. Перешагнув порог тридцатилетия, он обрёл особую статью, которая стала особенно заметна в минуты тишины. Серьёзный, решительный, мягкий, но острый, как клинок!

Омывшись, воскурив благовония и облачившись в свежие одежды, он вышел наружу.

— Ваш слуга приветствует Ваше Величество!

Поклон был исполнен безупречно, грациозно и с достоинством.

— Ха-ха-ха-ха, вот он, истинный портрет фаната, встретившего кумира!

— Господин Чжао, вы только что были совсем не таким!

— Господин Чжао: Да что вы понимаете! Это же император!

— Вот теперь господин Чжао вежлив, обожаю его!

Поняв из контекста значение слова фанат, люди отреагировали по-разному. Простой народ — спокойно, чиновники — тоже, разве что поняли, что у их потомков появился серьёзный

соперник. В конце концов, что больше всего ценит власть имущий? Способного, преданного слугу, который к тому же умеет угодить! А Чжао Цзиньчэн подходил под все критерии.

Услышав недоуменные вопросы и смешки однокашников, Чжао Цзиньчэн снова помрачнел, но это не убавило его любопытства к Цинь Жаню. Это был император, ради которого он был готов потерять голову! Он непременно должен увидеть его!

Цинь Жань не знал, что его будущий дипломат уже всей душой предан ему, и в этот момент размышлял, какими словами и условиями привлечь его на свою сторону.

Долгожданный император Вэнь-ди наконец появился на сцене.

<http://bllate.org/book/21555/2217670>